

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 394 с.
2. Гак В. Г. Языковые преобразования / В. Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
3. Сандакова М. В. Метонимия прилагательного в русском языке / М. В. Сандакова. – Киров : Старая Вятка, 2004. – 280 с.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : А ТЕМП, 2004. – 944 с.

References

1. Alefirenko N. F. Pojeticheskaja jenergija slova. Sinergetika jazyka, soznani-ja i kul'tury. M. : Academia, 2002. 394 p.
2. Gak V. G. Jazykovye preobrazovanija. M. : Shkola «Jazyki ruskoj kul'tury», 1998. 768 p.
3. Sandakova M. V. Metonimija prilagatel'nogo v russkom jazyke. Kirov : Staraja Vjatka, 2004. 280 p.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka : 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij; РАН; Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. 4th ed. M. : A TEMP, 2004. 944 p.

**СЛАВЯНСКИЕ ТРАДИЦИИ И МОТИВЫ ПОЭЗИИ ВОСТОКА В ЛИРИКЕ
К.М. ФОФАНОВА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «ИЗ ФАНТАЗИЙ»)**

Дьяченко Татьяна Анатольевна, преподаватель, Астраханская государственная консерватория, 414000, Россия, г. Астрахань, ул. Советская, 23; аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, ул. Татищева, 20а, e-mail: dyachenko_tatiana@mail.ru.

Статья посвящена корреляции ориентальных и славянских мотивов в произведении К.М. Фофанова «Из фантазий». В работе рассматривается обращение поэта XIX столетия к мифопоэтической универсалии – мифологеме острова, а также к восточнославянской сказочной традиции. Большое внимание уделяется изучению ориентальных образов, посредством использования которых К.М. Фофанов передаёт эмоционально-чувственное восприятие Востока.

Ключевые слова: мифологема, Восток, образ, традиция, восточная эстетика

**SLAVIC TRADITIONS AND MOTIVES OF THE POETRY OF THE ORIENT
IN THE WORKS BY K.M. FOFANOV
(USING AN EXAMPLE OF THE LITERARY WORK “IZ FANTAZIY”)**

Dyachenko Tatyana A., lecturer, Astrakhan State Conservatory, 414000, Russia, Astrakhan, 23, Sovetskaya st; postgraduate student, Astrakhan State University, 414056, Russia, 20A Tatishchev st., e-mail: dyachenko_tatiana@mail.ru.

This article is devoted to the correlation of Oriental and Slavic motives in the works by K.M. Fofanov using an example of the literary work “Iz fantaziy”. The appeal of the poet of the 19th century to the mythopoetic universal – the mythologeme “Island” – and also to the East Slavic fairytale tradition are considered in the paper. Much attention is given to the study of oriental images. K.M. Fofanov expresses the emotional-sensory perception of the East through the use of these images.

Keywords: mythologeme, East, image, tradition, oriental aesthetics

Природа лирического таланта К.М. Фофанова побуждала современников видеть в нём «последнего романтика», носителя культурной традиции восторженно-экзальтированного поклонения искусству. По воспоминаниям В.В. Розанова, Фофанов почти непрерывно пребывал «в воображении» [9, с. 23]. Вместе с тем многие отмечали надрывный, иступлённо-болезненный характер этого «воображения», а результаты «фантазий», граничившие с графоманией, вызывали пародийные отклики, например, пародию Вл. Соловьёва «По поводу стихов Майкова "У гробницы Грозного" и стихов Фофанова на могиле Майкова» [13, с. 24].

Целый блок стихотворений озаглавлен К.М. Фофановым как «Фантазии» («Он покинул свой склеп невидимкой...», «Рай», «Великая ночь» и др.). Многие поэтические работы носят название «Фантазия» («Как лёгкий кокон раннюю весною...», «На челне быстролетном я мчался один...»). К подобным относится черновой автограф «Мчался я – но не знаю куда и зачем» («Из фантазий»), наполненный традиционной восточной символикой:

Мчался я – но не знаю куда и зачем
И к волшебному острову скоро доплыл
Возвышался на том златоверхий гарем
И фонтан ароматные брызги струил
На ступенях крыльца старый евнух-колдун
По <полу?> золотому чертил костью,
И под робкие звуки трепещущих струн
Голос нежный и пел, и рыдал о былом
В этом голосе я

В начале произведения автор создаёт образ *волшебного острова*, посредством которого репрезентуется мифопоэтическая универсалия мировой литературы – мифологема «остров» («Мчался я – но не знаю куда и зачем / И к **волшебному острову** скоро доплыл...»). Представленная в дописьюменной традиции, она постепенно трансформировалась в произведениях русского поэтического искусства на всех этапах его развития, в частности, в XVIII–XIX веках, например, в стихотворениях А.С. Пушкина:

Стремлюсь привычною мечтою
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там.
Печальный остров – берег дикой
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрой покрыт
И хладной пеною подмыт.

(«Когда порой воспоминанье...»).

В русской культурной традиции данная мифологема включает следующий мотивный комплекс: «царевна в плену», тоска, томление, чудеса, птица-медиатор, сокровища [2, с. 151]. Совокупность перечисленных мотивов находим в стихотворении К.М. Фофанова:

Основные мотивы мифологемы «Остров»	Отражение мотивного комплекса в произведении «Из фантазий»
«царевна в плену»	гарем, где в заточении живут наложницы султана
тоска, томление	метонимический образ тоскующей девы, чей нежный голос «под робкие звуки трепещущих струн <...> и пел, и рыдал о былом»
чудеса	старый евнух-колдун
сокровища	восточная роскошь: «златоверхий гарем», «золотой пол»

Другая характеристика мифологемы острова – корреляция инфернального и сакрального начал, ярко проявившаяся в ранних русских фольклорных текстах. В качестве инфернальных героев выступали оборотни, ведьмы, колдуны и т.д. – персонажи народной демонологии: «*На море, на Окияне, на острове Буяне, на полой поляне, светит месяц на осинов пень, в зелен лес, в широкий дол. Около пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый*» [11, с. 383]. Подобное обнаруживаем в произведении «Из фантазий», где определяемое слово «евнух» дополняется приложением «колдун» («*На ступенях крыльца старый евнух-колдун / По полу золотому чертил костылем*»).

Средством создания художественного образа не является вымысел, поскольку из исторических источников известно, что к мусульманской магии, на развитие которой сильно повлиял суфийский мистицизм, регулярно прибегал сам султан. Он имел собственных астрологов, что, с точки зрения «правильного» ислама, считается совершенно недопустимым. У него были «талисманические» рубашки для походов, исписанные заклинаниями, расчёт «правильных» и «неправильных» дней и пр., а в гареме женщины постоянно вызывали колдунов [4, с. 5]. Отсюда следует, что образ евнуха-колдуна не только результат лирического восприятия Востока и проявление неомифологического сознания, ставшего основополагающим в искусстве XX века (от символизма до постмодернизма), но и художественная попытка реалистического воссоздания обстановки сераля и жизни на «волшебном острове» далёкой восточной страны. Однако стоит отметить семантическое противоречие в сочетании этих двух лексем (евнух / колдун). Евнухи были представителями различного рода занятий: владели парикмахерским искусством, могли быть лекарями, портными, банщиками, палачами (дурбаши), но никогда жрецами, тем более не занимались колдовством, поскольку это представляло бы опасность для султана. Примеры несочетаемости лексем находим и в других произведениях К.М. Фофанова:

Ещё гарем не спал... Под аркой коридоров
Скользили слуги одалиск,
И смутно тень чертил на разноцветных шторах
Луны двурогий диск.

В данном случае описание поэтом жизни сераля приобретает, вероятно, непредвиденный комический эффект из-за использования лексемы *луна* в сочетании с катахрезисным эпитетом *двурогий диск*. Здесь имеет место логическая несогласованность, так как 'двурогий' значит 'неполный', и, следовательно, в качестве компонента атрибутивного сочетания вернее было бы употребить 'месяц', а не 'луна'.

Корреляция инфернального и сакрального (смерти и жизни) определяет лиминальный характер мифологемы острова, роль «порога» которого понимается как особое внимание мифопоэтического сознания к началу и концу (пределу), и к переходам-границам [17, с. 342]. В произведении «Из фантазий» лирический герой после описания реалий восточной (мусульманской) жизни в последней строке возвращает нас в свой (христианский) мир («*В этом голосе я*») и помещает описанную картину как бы на грани двух миров. Таким образом, мифологема «остров» знаменует феномен перехода между христианской и мусульманской культурами.

Образ гарема – апофеоза экзотики Востока – подаётся в сопряжении с эпитетом *златоверхий*, указывающим, с одной стороны, на представление поэта о чужой земле как о «волшебном острове» роскоши и красок (золотом покрывают детали архитектурных сооружений, характерных для различных мировых культур: купола храмов, церквей и соборов, исламских мечетей

и пагод [19, с. 45]), с другой – на лексическую несогласованность элементов словосочетания.

В словарях русского языка узуальное употребление лексемы *златоверхий* связывается с лексемами *монастырь*, *град*, *дворец*, чаще – *терем*, сравним: *златоверхий* – 'с золочёным верхом, крышами'. *З. терем* (Толковый словарь Ожегова); 'с золочёным верхом, крышами' (книжн. поэт. устар.). *З. терема* (Толковый словарь Ушакова); 'такой, у которого позолоченный верх, купол и т.п.' *З. терем*, *дворец*. *З. град* (Российский энциклопедический словарь). К.М. Фофанов использует данный эпитет окказионально, возможно, непреднамеренно наделяя атрибутивное сочетание *златоверхий гарем* той же дискурсивной природой, какой обладает выражение *златоверхий терем*, отсылающий к феодальной Руси, к традиции обособленного проживания женщин высшего сословия.

По своему устройству русский терем походит на мусульманский гарем (посторонним мужчинам вход был воспрещён, только хозяин дома и священник могли переступить порог женской половины боярского жилища, где разрешалось находиться лишь детям не старше 12 лет и кормилицам), и в энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона эти лексемы представлены в синонимической паре: *терем* – 'отдельная комната вверху здания или отдельно построенная. В старинных русских Т. жили почти безвыходно женщины'; *гарем* – 'у магометан терем или часть дома, где отдельно от мужчин живут женщины'.

Богатый экстерьер русского терема, сравнимый с роскошью исламского сераля, отличался высокой кровлей, которую украшали позолоченными листами, что явилось ядром исторического дискурса выражения *златоверхий терем*. Таким образом, поэт семантически сближает две реалии христианской и мусульманской культур.

Ассимиляция ориентальной и славянской традиций в поэтической работе «Из фантазий» прослеживается также через изображение архитектурных деталей: характерная черта средневекового зодчества Руси – крыльцо – становится частью сооружения гарема («...*Возвышался на том златоверхий гарем <...> / На ступенях крыльца...*»).

Крыльцо русского дома – «визитная карточка» хозяев, отражающая их гостеприимство и достаток, было тщательно украшено. Особенным богатством выделялись крыльца соборов, палат и теремов: над ними устраивались шатровая крыша с кокошниками и лестница с резным ограждением [14]: «*И вот перед Марьюшкой хрустальный терем. Крыльцо резное, оконца узорчатые, а в оконце царица глядит*» («Финист-ясный сокол») [12, с. 49]. В предметно-пространственной среде экстерьера стихотворения крыльцо гарема тоже отмечено элементом роскоши – золотым полом («...*По полу золотому чертил костьюем...*»).

Поэт обращается к восточнославянской сказочной традиции, помещая на крыльце гарема-терема образ евнуха-колдуна, inferнальность которого рассмотрена выше, но осмелимся предположить, что мифологическим прототипом этого образа для автора выступает фантастический образ Бабы Яги.

Носителями традиционных представлений Баба Яга воспринимается как старуха: «*Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом – вдруг, откуда только взялись, – набежали всякие звери, налетели всякие птицы*» («Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что») [1, с. 145], её образ наделяется устойчивыми атрибутами, главный – клюка или палка, обладающая волшебными свойствами, и нередко в русских сказках называется колдуньей, что связано с мифологической основой персонажа. Аналогичными свойствами обладает образ евнуха: его характеристиками являются эпитет *старый*, атрибут *колдун*, волшебный предмет *костыль* и «пороговая» символика местоположения.

Эмоционально-чувственное восприятие Востока в произведении «Из фантазий» передаётся через использование ориентальных образов, представленных предельно выразительными, пластическими. Помимо визуальных («золотой пол», «златоверхий гарем») выступают ставшие маркером ориенталистики одорологические образы («ароматные брызги») и акустические («фонтан брызги струил»). Подобный синкретизм чувств говорит о явлении синестезии, дававшей о себе знать ещё у романтиков в конце XVIII – начале XIX века (например, у В.А. Жуковского в элегии «Вечер»: «Как слит с прохладою растений фимиам! / Как сладко в тишине у брега струй плесканье! / Как тихо веянье зефира по водам / И гибкой ивы трепетанье!»), однако в лирике К.М. Фофанова она выступает одним из ведущих художественных приёмов, столь значимых для последующей русской поэзии и ставших характерным признаком поэтического искусства символистов.

Фонтан («И фонтан ароматные брызги струил...») – неотъемлемый образ в предметно-пространственной среде художественных произведений, ориентированных на восточную эстетику. Коран повествует о Рае как о садах блаженства, где струятся водные источники; его подобие – мечеть, где обычно имеется двор с фонтаном, в котором производится омовение перед совершением молитв. Этому миру должен уподобляться и исламский дом [3, с. 91]. Следование данному пространственному закону встречаем в произведениях русских поэтов, например, у А.С. Пушкина:

В прохладе сладостной фонтанов
И стен, обрызганных кругом,
Поэт, бывало, тешил ханов
Стихов гремучим жемчугом.
(«В прохладе сладостной фонтанов»)

Беспечно ожидая хана,
Вокруг игривого фонтана
На шелковых коврах оне
Толпою резвою сидели
И с детской радостью глядели,
Как рыба в ясной глубине
На мраморном ходила дне.
(«Бахчисарайский фонтан»)

У К.М. Фофанова в стихотворении «Ещё гарем не спал...» обнаруживаем многочисленные интертекстуальные отсылки к пушкинскому «Бахчисарайскому фонтану»:

Ещё огни лампад таинственно мерцали
Сквозь голубой туман
Курильниц золотых, и брызги вод спадали
На мрамор звучных ванн.

Поэтизируя Восток, К.М. Фофанов воспроизводит орнаментальный стиль его стихотворного искусства. Орнаментальность восточной поэзии общеизвестна: стих является в совершенстве исполненной, самостоятельной миниатюрой в руках мастеров слова, остроумия и вкуса; поэтическое искусство, обогащённое совершенной гармонией поэтических средств, приобретает незнакомый Западу блеск [8, с. 112]:

بر چهره گل نسیم نوروز خوش است
در صحن چمن روی دلفروز خوش است
از دی که گذشت هر چه گویی خوش است
خوش باش و ز دی مگو که امروز خوش است
(рубай О. Хайяма)

Лёгкий ветер ноуруза на лице розы – прекрасен,
Лицо возлюбленной на фоне цветущего луга – прекрасно,
Вчерашний день прошёл, и что сказать – это не прекрасно,
Радуйся и не говори о прошлом, ведь настоящее – прекрасно.
(подстрочный перевод с фарси мой – Т.Д.)

На розах блистанье росы новогодней прекрасно,
Любимая – лучшее творенье Господне – прекрасно.
Жалеть ли минувшее, бранить ли его мудрецу?
Забудем вчерашнее! Ведь наше Сегодня – прекрасно!
(перевод В. Державина)

К.М. Фофанов прибегает к сложному построению метафор. Так, в сочетании *робкие звуки трепещущих струн* объединены атрибутивная метафора и атрибутивная метафорическая конструкция, ядро которой составляет причастие *трепещущие*.

Стоит сказать о запрете струнных музыкальных инструментов в исламе: «бубен запрещён, барабан запрещён, все струнные инструменты запрещены, и духовые инструменты запрещены» (Ибн 'Аббас) [7, с. 13]. Следовательно, образ *трепещущих струн* не характерен для традиционной мусульманской обстановки, однако невольницы переносили в гарем обычаи своих стран, о чём говорится, к примеру, в сказках «Тысячи и одной ночи»: «...а потом она сказала невольнице: "Марджана, подай нам какие-нибудь музыкальные инструменты". И невольница отвечала: "Слушаю и повинуюсь!" – и, скрывшись на менование, принесла дамасскую лютню, персидскую арфу, татарскую флейту и египетский канун. И девушка взяла лютню, настроила её и натянула струны, запела под неё нежным голосом, мягче ветерка и слаще вод Таснима...» [18].

В произведении «Ещё гарем не спал...» находим упоминание о другом струнном инструменте в атмосфере сераля – гитаре:

Ещё не спал гарем... Но праздные гитары
На шёлке алых лент молчали по углам;
Со странным шёпотом рассеянные пары
Нарядных жён сновали здесь и там.

Более характерные для мусульманского мира названия этой реалии «тар», «тари». Как отмечает Ш.М. Казиев, основными инструментами в гареме были струнные уд (вид лютни) и рехаб, тростниковая флейта, бубен и глиняный барабан дарабукка [6].

Кроме метафор, стилизованных под восточную орнаментальность, лексический уровень стихотворения «Из фантазий» составляет эпитет *голос нежный* («Голос нежный и пел, и рыдал о былом»), свидетельствующий о повышенной «литературности» лирики Фофанова (у Е.А. Баратынского в стихотворении «Дельвигу»: «Я вспоминаю **голос нежный** / Шалуньи ласковой моей...»; «В альбом»: «Когда б ещё сей **голос нежный** / И томный пламень сих очей / Любовью менее мятежной / Могли грозить душе моей»; у А.С. Пушкина в произведении «Я помню чудное мгновенье...»: «В томленьях грусти безнадежной / В тревогах шумной суеты, / Звучал мне долго **голос нежный** / И снились милые черты»; у М.Ю. Лермонтова в стихотворении «Как небеса, твой взор блистает»: «Но жизнь бранной и мятежной / Не тешусь я с тех пор, / Как услышал твой **голос нежный** / И встретил милый взор»), а также на её ретроспективность указывает экспрессивно окрашенный глагол *рыдать*, часто встречающийся в его поэтических работах:

Всё небо точно кознями
И тайнами полно,
Но звёздочками поздними
Не искрится оно.

И не о них ли пламенно
Один в тоске своей
Там, за стеною каменной,
Рыдает соловей?

(«В селении»)

Я слышу, как весна, боясь мечты своей,
И дышит и дрожит в цветущем упоеньи,
И слышу, как в кустах **рыдать** о наслажденьи
Проснулся на заре вечерний соловей –
Рыдающий певец в стыдливом пробужденье!

(«Мелодии»)

Итак, произведение «Из фантазий» являет собой пример тесного соприкосновения славянской и ориентальной традиций.

Ориентированное на эстетику Востока стихотворение вмещает поэтическую универсалию, восходящую к дописьменности – мифологему острова, которая становится символом перехода между христианской и мусульманской культурами. Окказиональное употребление лексемы *златоверхий* позволяет поэту сблизить реалии двух миров (*гарем* в исламе и *терем* в христианстве), а использование визуальных («золотой пол»), одорологических («ароматные брызги»), акустических («фонтан брызги струил») образов и воссоздание стиля ориентальной поэзии передают чувственное восприятие Востока.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. – М. : Директ-Медиа, 2014. – Т. 2. – 484 с.
2. Горницкая Л. И. Мифологема острова в русской культурной традиции / Л. И. Горницкая // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – № 4 (30). – С. 150–156.
3. Зубко Г. В. Искусство Востока : курс лекций / Г. В. Зубко. – М. : Восточная книга, 2012. – 427 с.
4. Иванова В. В. Мусульманская магия и турецкие охранительные практики: взаимодействие и конфликт / В. В. Иванова // Доклад тридцать первого семинара Центра по изучению эзотеризма и мистицизма. – Режим доступа: http://rhga.ru/science/center/ezo/seminars/Ivanova_Tur_magia.pdf, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Иванова В. В. Охранительная магия современных турок Анатолии : дис. ... канд. ист. наук / В. В. Иванова. – СПб., 2010. – 185 с.
6. Казиев Ш. М. Наложницы. Тайная жизнь восточного гарема / Ш. М. Казиев. – М. : Алгоритм, 2016. – 256 с. – Режим доступа: <http://bookskeeper.ru/knigi/istoriya/56931-nalozhnicu-taynaya-zhizn-vostochnogo-garema.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
7. Решающее слово в споре относительно музыки и песен в исламе / подготовлено редакцией сайта «К Исламу» // Сайт «К исламу». – 2013. – Режим доступа: <https://toislam.ws/books-fikh/175-muzika>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Рипка Я. История персидской и таджикской литературы / Я. Рипка. – М. : Прогресс, 1970. – 418 с.
9. Розанов В. Из личных встреч. К.М. Фофанов / В. Розанов // Новое дело. – 1911. – № 11. – С. 23.

10. Российский энциклопедический словарь: РЭС : в 2 кн. / гл. ред. А.М. Прохоров, редкол.: В.И. Бородулин, А.П. Горкин, В.М. Карев [и др.]. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2001.
11. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / сост. М. Забылин. Репринтное воспроизведение издания 1880 года. – М. : Принтшоп, 1990. – С. 383.
12. Русские народные сказки. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 453 с.
13. Сапожков С. В. Творческий путь Константина Фофанова: между классикой и модернизмом / С. В. Сапожков // Константин Фофанов. Стихотворения и поэмы. – СПб. : Изд-во Пушкинского дома, 2010. – 592 с.
14. Словарь архитектурных терминов. – Режим доступа: <http://www.regent-decor.ru/lib/glossary/k/porch.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
15. Толковый словарь Ожегова / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1949–1992.
16. Толковый словарь Ушакова / Д. Н. Ушаков. – М., 1935–1940.
17. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М. : Наука, 1983. – С. 227–342.
18. Тысяча и одна ночь : в 8 т. / пер. М. А. Салье. – М. : ГИХЛ, 1958–1975. – Режим доступа: <http://www.03www.ru/1001/1001-284.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
19. Шеина Т. В. Позолота в архитектуре / Т. В. Шеина, А. Е. Румянцева, М. В. Лунькова // Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. – 2012. – № 2. – С. 44–52.
20. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона : в 86 т. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Afanas'yev A. N. Narodnyye russkiye skazki v trekh tomakh. Moscow, Direkt-Media, 2014. Vol. 2. 484 p.
2. Gornitskaya L. I. Mifologema ostrova v russkoy kul'turnoy traditsii. Problemy istorii, filologii, kul'tury, 2010, № 4 (30), pp. 150–156.
3. Zubko G. V. Iskusstvo Vostoka: kurs lektsiy. Moscow, Vostochnaya kniga, 2012. 427 p.
4. Ivanova V. V. Musul'manskaya magiya i turetskiye okhranitel'nyye praktiki: vzaimodeystviye i konflikt. Doklad tridtsat' pervogo seminaru Tsentra po izucheniyu ezoterizma i mistitsizma. Available at: http://rhga.ru/science/center/ezo/seminars/Ivanova_Tur_magia.pdf.
5. Ivanova V. V. Okhranitel'naya magiya sovremennykh turok Anatolii. Sankt-Peterburg, 2010. 185 p.
6. Kaziyev Sh. M. Nalozhnitsy. Taynaya zhizn' vostochnogo garema. Moskva, Algoritm, 2016. 256 p. Available at: <http://bookskeeper.ru/knigi/istoriya/56931-nalozhnicy-taynaya-zhizn-vostochnogo-garema.html>.
7. Reshayushcheye slovo v spore otnositel'no muzyki i pesen v islame / podgotovleno redaktsiyey sayta «K Islamu» // Sayt «K islamu». 2013. Available at: <https://toislam.ws/books-fikh/175-muzika>.
8. Ripka Ya. Istoriya persidskoy i tadzhikskoy literatury. Moskva, Progress, 1970. 418 p.
9. Rozanov V. Iz lichnykh vstrech. K.M. Fofanov // Novoye delo, 1911, № 11, p. 23.
10. Rossiyskiy entsiklopedicheskiy slovar, Moscow, Bol'shaya Ros. entsikl., 2001.
11. Russkiy narod, yego obychai, obryady, predaniya, suyeveriya i poeziya / Sost. M. Zabylin. Reprintnoye vosproizvedeniye izdaniya 1880 goda. Moscow, Printshop, 1990. P. 383.
12. Ruskiye narodnyye skazki. Moskva, Direkt-Media, 2014. 453 p.

13. Sapozhkov S. V. *Tvorcheskiy put' Konstantina Fofanova: mezhdru klassikoy i modernizmom*. Konstantin Fofanov. Stikhotvoreniya i poemu Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo Pushkinskogo doma, 2010. 592 p.
14. Slovar' arkhitekturnykh terminov. Available at: <http://www.regent-decor.ru/lib/glossary/k/porch.html>.
15. *Tolkovyy slovar' Ozhegova / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova*. Moscow, 1949–1992.
16. *Tolkovyy slovar' Ushakova*. D.N. Ushakov. Moscow, 1935–1940.
17. Toporov V. N. *Prostranstvo i tekst. Tekst: semantika i struktura*. Moscow, Nauka, 1983, pp. 227–342.
18. *Tusyacha i odna noch'*. Moskva, GIKHL, 1958–1975, Available at: <http://www.03www.ru/1001/1001-284.htm>.
19. Sheina T. V., Rummyantseva A. Ye., Lun'kova M. V. *Pozolota v arkhitekture // Vestnik SGASU. Gradostroitel'stvo i arkhitektura*, 2012, № 2, pp. 44–52.
20. *Entsiklopedicheskiy Slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Yefrona* : in 86 vol. Available at: <http://www.vehi.net/brokgauz/>.

МОТИВЫ СМЫСЛА ЖИЗНИ И СЧАСТЬЯ В ЛИРИКЕ РЮРИКА ИВНЕВА

Исаев Геннадий Горигорьевич, доктор филологических наук, профессор-консультант кафедры литературы, Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kafruslit@mail.ru.

Служение людям своей поэзией, борьба с обывательскими представлениями о жизни и искусстве, разрушение заурядности, духовный прорыв в запредельное, восхождение – это генеральная линия жизни Рюрика Ивнева. Общество и семья ещё в юности задали ему определённую систему высших ценностей, способных придать его творческой деятельности смысл. Лирический герой поздней лирики Рюрика Ивнева – человек с широким кругом интересов, приносящий в свой труд элементы творчества. Поэтому он чаще всего чувствует себя счастливым, ибо творческий труд способен приносить не только элементы удовлетворения, но и ощущение полноты бытия. Стихам Рюрика Ивнева 1950–1970-х годов свойственна особая чистота и доброта, они пробуждают в душе лучшие чувства. Счастье в поэзии Рюрика Ивнева заключается в полноте удовлетворённости жизнью на протяжении жизненного пути, в единстве разных сторон жизни.

Ключевые слова: Рюрик Ивнев, смысл жизни, счастье, система высших ценностей, трансцендентные ценности, моральные ценности

TUNES OF MEANING OF LIFE AND HAPPINESS IN THE LYRICS OF RYURIK IVNEV

Isaev Gennady G., Doctor of Philological Sciences, Consulting Professor of the Chair of Literature, Astrakhan State University, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: kafruslit@mail.ru.

The principal line of Rurik Ivnev's life is represented by his poetry serving the people, struggle against commonplace understanding of life and art, eradication of mediocrity, spiritual breakthrough into what lying beyond the bound and ascension. As early as to his youth, under the influence of his family and society, Rurik Ivnev formed his specific system of supreme values filling his creation with sense. A person of many interests who completes what he does with creative elements embodies the Persona of Rurik Ivnev's late lyrics. Therefore, this person is usually happy since creation not only brings satisfaction but also fills existence with sense. Rurik Ivnev's poetry of the 1950-1970s is characterized by special purity and kindness.